

Живая натура

Здравствуйте! (привет к ком. правде). — 1997 — 7 марта — С. 11

Десять лет назад в ночь с 7 на 8 марта 1987 года в эфир впервые вышла авторская передача Владимира Молчанова «До и после полуночи». Именно с нее начался отсчет новой эры отечественного телевидения («Взгляд» появился на полгода позже). Сейчас Молчанов, однако, ушел с ОРТ на новый канал — Рен-ТВ.

— Не жалеете о мешках читательских писем, что к вам приходили раньше?

— Видите ли, я 13 лет отработал в АПН, которую мы в своем кругу называли могилой неизвестного журналиста. А я считаю, что журналист обязан быть известным. Если он неизвестен, значит, он неудачливый журналист. Но пока, чтобы канал стал популярным, мы поступили на время своей небольшой известностью.

— Вы помните свой первый сюжет для телевидения?

— Да, я полетел в Польшу и снял конгресс интеллектуалов за мир или что-то в этом роде. Неожиданно для меня фильм показало телевидение. Но хотя я и хотел там работать, но сразу меня не взяли, мотивировав это тем, что родственникам работать на ТВ нельзя. Моя сестра Анна Дмитриева давно уже была обычным спортивным корреспондентом. И хотя у нас разные фамилии, мне все равно отказали.

— Говорят, что программа, которая потом стала называться «До и после полуночи», готовилась для утреннего эфира.

— Именно. Мы готовили утренний канал. Но когда руководство посмотрело наши наработки, то сразу приняло решение, что такая программа утром советским телезрителям не нужна. Все же к нам с Майей Сидоровой хорошо отнеслись и предложили

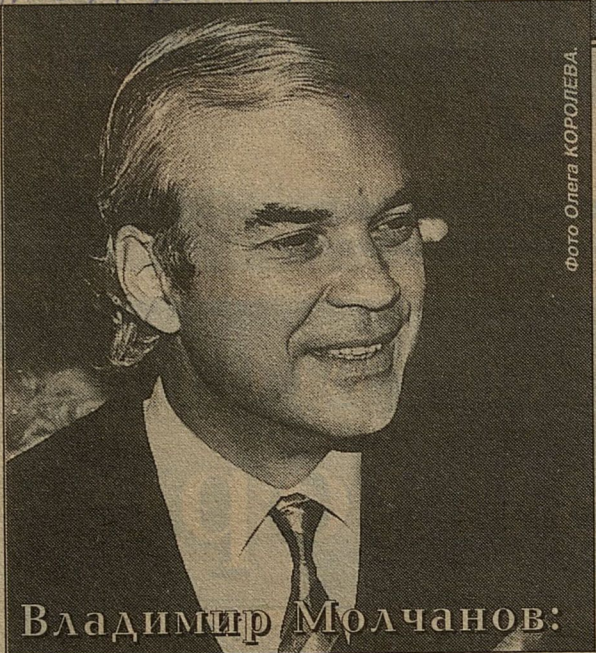

фото Олега КОРОЛЕВА

Владимир Молчанов:

«Меня все меньше и меньше интересует журналистика»

сделать что-нибудь ночное. Мы за неделю-две программу и составили. Она вышла в эфир в ночь с 7 на 8 марта под названием «Вы где-то с ними уже встречались». С кем встречались — не ясно, нас совсем никто не знал, кто это название придумал — неизвестно. Четвертая программа уже стала называться «До и после полуночи». Тогда отечественное телевидение завершало вещание около одиннадцати, мы впервые вышли в эфир подвечерней ночи и работали полтора часа.

— «До и после полуночи» называлась информационно-музыкальной программой. Чисто публицистической сделать ее не хотели?

— Это было совершенно

невозможно. Сюжеты о сталинских расстрелах, об эмиграции мы скрывали за красивой музыкой, за более легкими материалами. Канал для полуночников показывал западную жизнь, которую никогда не видел советский телезритель. Это ведь был не «Клуб путешественников». Первая передача заканчивалась знаменитой во всем мире песней в помощь голодающим Эфиопии: We are the world, we are the children, которую пели десятки два западных «звезд». Телезрители впервые увидели на экране тех, кого они слушали до этого по вражеским голосам или на запертых кассетах. В первой программе у нас прошел очерк о Джоне Ленноне — до этого никто и никогда не видел его на советском экране.

— Опять же говорят, что, делая программу, вы должны были проявлять чудеса конспирации.

— Скажем так: нам не раз приходилось приводить в студию гостей окольными тропами. Генерала Калугина, за которым велось наружное наблюдение, мы ночью встречали на двух машинах, с двух сторон сквозного подъезда. А в студию он попадал по про-

пуску голландского дирижера — когда приходил иностранец, он не должен был предъявлять документы. В полпервого ночи Калугин вышел в эфир.

— Вызывали ли вас на ковер?

— Такого не было, но я ведь еще вел программу «Время». Бывало, что за 15 минут до выхода в эфир раздавался звонок кремлевского телефона, и Яковлев просил подчеркнуть что-то, а затем звонил Лигачев и об этом же говорить запрещал. Тогда я старался либо соблюдать золотую середину, либо пользовался советами Яковлева. Неприятности в итоге были у руководства Гостелерадио, а меня даже повы-

ляли передачи на одну тему. Скажем, нервный «Забой» или светлая «Родина Колумба», как вам удавалось это совмещать?

— Мини-фильм «Родина Колумба» снят по предложению итальянской стороны. И то это была чистая реклама, как, может быть, «Голландский дневник».

— То есть вы не скрываете, что делали «джинсу»?

— Да, но за те рекламные фильмы нам ничего не платили. Это была возможность для группы в 10 — 15 человек выехать на съемки в Италию и Голландию. Мы же не вращались в этих фильмах. Хотя я и не считаю их серьезными работами.

— Почему вы не любите давать интервью?

— Просто меня всегда спрашивают о том телевидении, которое я делаю, а мне об этом не очень интересно говорить.

— Тогда давайте о театре...

— Это моя боль и грусть. Я же поступил в школу-студию МХАТ на актерское отделение, но

Я не считаю, что журналистика такая замечательная профессия, мне по крайней мере она интересна все меньше и меньше. Мы прошли пик наиболее интересной журналистики 1987 — 1992 годов. В те годы мы бились за какую-то правду, этой правды мы сейчас очень много получили, а что произошло в стране? Это естественно приводит в некоторую депрессию, ты продолжаешь работать, занимаешься своими делами, но все больше и больше тянет в ретро, это ностальгия не по коммунистическим временам, а по человеческим отношениям.

сили до должности политического обозревателя.

— Работая ведущим главной информационной программы, вы частенько подчеркивали, что вам не доставляет никакого удовольствия ее вести. Почему же не уходили?

— Я понимаю: новости — это главное, что есть на телевидении. Но я вообще не люблю их читать, я журналист, а не ведущий. «До и после полуночи» была отдушиной для души, а программа «Время» была просто работой. Которую я и бросил в январе 1991-го после событий в Литве.

— И чем вы тогда занимались?

— Жил в деревне, наконец-то читал хорошие книги, сидел на берегу реки, ел шашлык, пил водку. Планов никаких не было, делать ничего не хотелось. Звали обратно в АПН, в какие-то газеты, но мне ничего не хотелось делать. На сберкнижке оставалось три-четыре тысячи, жена работала в газете, а я совершенно не думал о будущем. Пригласили в Нидерланды преподавать, но мне не хотелось уезжать из страны. В августе 1991-го, на следующий день после завершения путча, мы опять ринулись делать свое телевидение.

— «До и после полуночи», как правило, состояло из блочных мини-сюжетов, но изредка вы де-

не проручился там ни одного дня.

— Передумали?

— Экзамены я сдавал тайно и поступил на курс покойного ныне Виктора Карловича Манюкова. Тогда родители испугали меня армией — в театральном не было военной кафедры. Но я все равно испытываю постоянную тягу к театру, хотя и не знаю, кем бы я там хотел быть.

— Какие книги вы читаете?

— В последнее время полюбил отечественные детективы. В Америке я познакомился с Эдиком Топлем, которого до этого один раз читал подпольно. Прочитав Тополя, перешел к Незнанскому, от него к гранд-даме российского детектива Марининой. Но я читаю очень быстро — книгу прочитываю за два-три часа.

— Времени не жалко?

— Иногда да, но детективы я читаю ночью.

— Как относитесь к традиционному вопросу о последствиях?

— О семье? Могу сказать, что сейчас впервые работаю вместе со своей женой. Зовут ее Консуэло, она испанка, мы женаты 27 с половиной лет. Она долгие годы проработала в «Советской культуре», «Столице», а теперь мой главный редактор.

Алексей БЕЛЫЙ.

Н у как можно любить власть, особенно беспомощную и не очень культурную. Человек, который любит власть, очень глупый, а журналисту тем более нельзя ее любить. Иначе ему лучше чем-нибудь другим заняться, например, пойти во власть. Меня приглашали трижды, тогда многие телевизионщики стали депутатами. Но сидеть с такой публикой... Я на третий день с ума сойду!